

(00:00:00) (Начало записи.)

Константин Бабкин: Доброе утро, товарищи. Прошу занять места, будем начинать работу совместного заседания Совета по промышленному развитию и конкурентоспособности и Совета ТПП по финансово-промышленной и инвестиционной политике.

Да, уважаемые коллеги, сегодня мы обсуждаем очень интересную тему, как найти баланс между доходами государства, привлечением инвестиций в экономику и добиться экономического роста при этом. Тема сложная, потому что, во-первых, нам говорят, что доходов у государства недостаточно, у нас дефицит бюджета, инвестиций мало, явно недостаточно, заводы строятся в темпах, которые нас не удовлетворяют. Экономический рост в России положительный, но мы отстаем в темпах развития от среднемирового уровня и тем более, очень сильно отстаем от лидеров мировой экономики в темпах роста.

При этом в такой ситуации мы все знаем, что наша страна велика и богата, у нас есть все для развития. Невозможно назвать ни одного фактора, который нам не дает развиваться, объективно. Фундаментальные факторы все играют за нас. У нас огромное количество ресурсов, у нас обширный рынок, прекрасное географическое положение, есть безопасное положение, политическая независимость, есть огромные традиции в науке, в промышленности, в сельском хозяйстве, в созидании. При этом имеем такую непростую ситуацию.

Так вот, как сбалансировать ситуацию, как найти рецепт – не найти, наверное, мы все знаем этот рецепт – но как сделать так, чтобы этот рецепт начал воплощаться в жизнь, и как начать действительно бурный экономический рост, добиться тех темпов экономического роста, не только экономического, демографического, нормализации социальной обстановки, добиться той ситуации, которая нас всех начала бы удовлетворять? Давайте обсудим такую обширную тему.

Первым слово традиционно я предоставляю Курочкину Дмитрию Николаевичу, вице-президенту Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.

Дмитрий Курочкин: Спасибо большое, Константин Анатольевич. Добрый день, уважаемые коллеги, дорогие друзья. Также традиционно рад приветствовать вас от имени руководства Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. Сегодня основной темой совместного заседания двух наших важнейших Советов является вопрос, как сбалансировать доходы государства, инвестиции и экономический рост. Действительно, это одна из важнейших тем. Я бы добавил еще то, что экономический рост еще не означает рост доходов населения, на что нас президент постоянно ориентирует, потому что у нас даже при профицитном бюджете и вроде бы достаточном уровне доходов государства, тем не менее, реальные доходы населения последние семь лет, как известно, падают, в прошлом году они обвалились еще. Поэтому эта тематика, безусловно, очень важна, и действительно, ее нужно решать комплексно, с участием экспертов самых разных направлений.

Я должен сказать, что экспертами обоих Советов к настоящему времени проделана огромная работа по обобщению основных факторов, которые сдерживают экономический рост. В первую очередь речь идет о проблемах, скажем так, регуляторного характера. Мы здесь, на этой же площадке, обсуждали и то, что сдерживает рост с точки зрения проведения нынешней денежно-кредитной, налоговой, таможенной, промышленной политики. В материалах к сегодняшнему заседанию они представлены, кстати говоря, вместе с конкретными, на мой взгляд, хорошо подготовленными и проработанными предложениями.

(00:04:56)

Ключевой задачей на сегодня является по-прежнему привлечение инвестиций в реальный сектор. Решение этой задачи, на наш взгляд, должно быть достигнуто за счет приоритетности мер стимулирующего характера, о чем опять-таки неоднократно говорилось на наших заседаниях, но самое главное, что об этом буквально позавчера говорил и Президент России Владимир Владимирович Путин. Не удержусь от одного предложения из его послания. Задача Правительства сегодня, главное – сформировать именно долговременные условия, направленные на снижение рисков ведения бизнеса, стимулирование инвестиционной активности, в том числе трансформацию прибыли в инвестиции, в развитие.

Задача поставлена, как добиться ее выполнения – это наша с вами совместная, общая задача. Мы надеемся, что те предложения, которые оба Совета уже направляли в органы государственной власти, предложения по существенному расширению роли Банка России в стимулировании экономического развития, притока промышленных инвестиций методами денежно-кредитной политики, создании соответствующей финансово-кредитной инфраструктуры, о чем Владимир Андреевич постоянно говорил, включая промышленные и инвестиционные банки, для сдерживания традиционного удорожания заемного капитала.

Хотел бы подчеркнуть, что в последние годы, действительно, много было сделано, в том числе, благодаря работе наших комитетов и советов, в части совершенствования промышленной политики, мер поддержки промышленного производства. Кстати, в течение последнего года, несмотря, а, может быть, и благодаря пандемии, удалось достичь, я бы сказал, многих прорывных вещей. Во всяком случае, бизнес и профильные министерства и ведомства стали слышать друг друга лучше и лучше между собой взаимодействовать, это тоже нельзя отрицать. Но, тем не менее, целый ряд важнейших вопросов остается пока еще без ответа.

Очень важно, конечно же, развивать меры поддержки, я бы здесь отдельно выделил, станкостроения, о чем будет сегодня Георгий Васильевич говорить, компонентной базы отечественных информационных компаний. В целом, должен сказать, что мы, безусловно, принципиально поддерживаем требование Президента, чтобы в центр внимания государства на федеральном уровне был включен вопрос не просто о промышленном развитии регионов, а я бы сказал, о таком опережающем, если хотите, даже агрессивном промышленном

развитии регионов, что, повторяю, неоднократно предлагалось, но далеко не всегда доводилось уже до логического завершения.

По итогам рассмотрения с участием отраслевых союзов и объединений, наших региональных Торгово-промышленных палат, которые тоже имеют большой опыт в этой сфере, подготовлены соответствующие предложения. Мы активно взаимодействуем с Минпромторгом, в другими ключевыми ведомствами в части реализации стратегии региональной промышленной политики до 2024 года, а если понадобится, и в ее корректировке.

В заключение я хотел бы пожелать успехов в обсуждении сегодняшней проблемы. Я надеюсь, что те предложения, которые, как вы видели, в качестве проекта уже представлены, будут доработаны и представлены в профильные органы власти. Спасибо большое за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо, Дмитрий Николаевич. Уважаемые коллеги, может быть, вы обратили внимание, что я упомянул про дефицит бюджета, а Дмитрий Николаевич упомянул про то, что у нас бюджет профицитный. Проблема не в том, что мы с вами понимаем по-разному вещи или у нас путаница в голове. Проблема в том, что путаница в голове у руководителей Минфина, у тех, кто выдает отчетность официальную. Есть официальный бюджет, и он действительно у нас дефицитный в некоторые годы. Если взять разбег в пять лет, с 2016 по 2020 год, то мы увидим, что по официальным данным бюджет в три года был дефицитным. 3 триллиона недоставало доходов в 2016 году, 1,3 – в 2017, в 2018 году был профицит, 3 триллиона рублей, в прошлом опять более 4 триллионов рублей был дефицит, то есть государство расходовало больше денег, чем получало доходов.

(00:09:58)

Но если мы посмотрим на Фонд национального благосостояния, то мы увидим, что за эти пять лет этот фонд увеличился на 8 триллионов 300 миллиардов рублей. Суммарный дефицит за пять лет официальный составил 4,6 триллиона, а Фонд национального благосостояния при этом увеличился на сумму, практически в два раза бóльшую, 8,3 триллиона.

Есть так называемое бюджетное правило, которое говорит, что доходы от продажи нефти и газа, которые мы получаем выше цены отсечения, эти деньги не идут в бюджет, они уходят за границу. Их надо хранить в Америке, в странах Евросоюза, эти деньги не должны поступать в бюджет России. Все остальные деньги – это, пожалуйста, ваши. Денег, которые остаются, хватает не всегда на содержание государства, но при этом так называемый излишек, большую часть своих денег мы посылаем за рубеж.

Еще раз повторюсь, за пять лет Россия получила денег на четыре с лишним триллиона больше, чем потратила, то есть у нас очень сильно профицитном бюджет. Поэтому, когда нам говорят, что «денег не хватает, затяните пояса», нам нужно смотреть в комплексе и видеть, что тут есть определенная доля лукавства, и часть наших с вами денег, полученных от нефти или

заработанных тяжелым трудом в сельском хозяйстве, в промышленности, эти деньги отсылаются за рубеж и работают на экономику не нашей страны, не на наших граждан, а на другие народы.

Поэтому, как сбалансировать доходы государства и экономический рост? Наверное, где-то здесь надо поискать. Может быть, перестать посылать в огромных количествах деньги за рубеж и начать вкладывать эти деньги в нашу страну.

Скажут: не всегда государство наше может переварить большое количество денег, не всегда может осуществить большие инвестиционные проекты или много небольших инвестиционных проектов. Тут напрашивается ответ, что надо не повышать, а снижать налоги. Мы слышим, что Минфин собирается под риторику о том, что дефицит бюджета, начать повышение налогов опять. Я думаю, что мы должны потребовать снижения налогов, причем, радикального снижения, причем, такого снижения налогов, чтобы это снижение привело к оживлению покупательной способности и инвестиционной активности. Какие тут могут быть более конкретные предложения?

Во-первых, я бы предложил отменить налоги и сборы с зарплат ниже уровня бедности. Второе – вернуть инвестиционную льготу по налогу на прибыль, такую льготу, которая действовала во время Правительства Примакова. Месяца три назад здесь присутствовал министр экономического развития Решетников во время делового завтрака, я ему эту инициативу высказал: «Может быть, уже пора снижать налоги?» Он сказал, что «в целом, наверное, еще нет, но мы проводим работу по снижению налогов, и в частности, снизили налоги для IT-компаний», снизили для них НДС, какие-то другие налоги.

Во-первых, IT-компании – это далеко не вся экономика, во-вторых, даже для IT-сектора это снижение произошло очень точно и локально. Мы, как сельхозмашиностроение, уже два месяца назад вышли с инициативой в Правительство, чтобы эта инвестиционная льгота для IT-компаний относилась не только к независимым компаниям, но и к отделам больших предприятий, которые осуществляют разработку программного обеспечения. Такие подразделения платят налоги в полном объеме, хотя создают, в принципе, тот же продукт, что и независимые IT-компаний. Но вот уже два месяца вопрос тянется, и пока перспективы решения этого вопроса, расширения этой льготы туманны.

Дальше, какая инициатива? «Программа 1432», вы, наверное, слышали. Это программа, которая носит характер возврата части ранее уплаченных налогов предприятиями сельхозмашиностроения этим предприятиям, то есть 10% от стоимости готовой техники выплачивается предприятиям, и, таким образом, эта техника достается потребителям по более низкой цене, чем могла бы без этой программы доставаться. Действие этой программы привело к двукратному росту в сельхозмашиностроении.

(00:15:08)

Эту программу можно сравнить со снижением налогов. Если бы суммарная налоговая нагрузка с 54% снизить до 44%, это привело бы к двукратному росту объемов производства не только в сельхозмашиностроении, а во всей экономике. Это привело бы к более быстрому и более масштабному пополнению бюджета. Повторюсь, это уже реализовано, доказано, что эта мера действенна, что она приводит к успеху. Но почему-то Правительство не стремится и не торопится расширить действие аналогичных программ на другие отрасли, помимо сельхозмашиностроения.

Еще один вопрос – то, что мало денег в региональных бюджетах. Федеральный бюджет забирает порядка 80% доходов, бюджеты не могут ни построить дороги, ни содержать больницы, ни провести благоустройство городов. За всеми субсидиями надо обращаться в федеральное Правительство, в Администрацию Президента. Но не всегда это работает качественно, и мы видим, что процветают или относительно неплохо живут мегаполисы, но малые города, поселки, деревни продолжают исчезать, в том числе, из-за малого наполнения региональных и муниципальных бюджетов. Здесь, конечно, надо тоже этот перекос исправлять и, таким образом, стремиться к сбалансированности инвестиций и пополнению бюджета.

Повторюсь, мы знаем, что потенциал у нашей экономики, у нашей страны, у нашего народа огромный, у нас есть все для развития. Не хватает трех вещей, это разумной денежно-кредитной политики, правильной внешнеторговой политики и правильной, стимулирующей налоговой политики. Как добиться этого? Может быть, будут еще какие-то предложения в отношении улучшения экономической политики? Давайте это все обсудим, сформулируем. У нас есть проект решения, предлагайте свои предложения, критику. Поправим наш проект и направим в органы федеральной власти. Надеемся, тем самым мы приблизим момент начала выздоровления нашей страны.

Спасибо за внимание. Слово предоставляю Владимиру Андреевичу Гамзе, председателю Совета ТПП Российской Федерации по финансово-промышленной и инвестиционной политике. Пожалуйста.

Владимир Гамза: Спасибо, Константин Анатольевич. Добрый день, уважаемые коллеги. Я думаю, что сегодня одна из наиболее важных тем, которую мы взяли рассматривать, и я думаю, что определенные серьезные предложения, конечно, будут сформулированы. У Американской ассоциации аудиторов лозунг: «Прибыль – это воля бухгалтера». Дефицит или профицит нашего российского бюджета – это воля Минфина. Минфин эту планку отсечения может в одну сторону, в другую сторону перевести, и получится любой вариант бюджета.

Поэтому главное, на самом деле, чтобы бюджет был разумным. Тема нашей конференции сегодня очень важная – все должно быть сбалансировано. Только при сбалансированном соотношении бюджета, инвестиций и экономического роста мы действительно сможем перейти от отстающего роста, который сегодня имеем, к опережающему росту.

Не буду останавливаться на национальных целях, я только их показал для того, чтобы все понимали, что те цели, которые поставил президент, говорят о том, что на самом высшем уровне государственного управления понимают, что нам нужен прорыв, совершенно точно, потому что иначе мы перейдем в разряд третьесортных стран. Почему? Потому что, несмотря на то, что мы хвастаемся, что мы по объему ВВП по ППС...

(00:20:00)

По курсу мы далеко ниже, по ППС мир признает, на шестом месте, но и этот объем определяется, прежде всего, количеством населения. Но и тут нам нечем хвастаться, потому что Индонезия дышит нам в спину. Если мы потеряли в 2020 году, в пандемию, то Индонезия завершила год с нулем, она поднялась, и Бразилия тоже достаточно недалеко от нас.

Но самое главное, а каков наш экономический рост? За последние тридцать лет темпы нашего экономического роста – 98-е место в мире. Мы росли все тридцать лет в полтора раза ниже, чем весь мир. В полтора раза ниже, чем весь мир, включая самые бедные страны. Это означает, что все эти тридцать лет мы не росли, а отставали, отставали каждый год. Ничего существенно в последние годы не изменилось. Единственная радость, что Германия росла меньшими темпами. Наверное, все-таки Германию с пятого места вытесним, но я подозреваю, что Индонезия быстрее достигнет пятого места, и мы так и останемся на этом шестом месте.

Теперь второй важнейший показатель качества экономики, это ВВП на душу населения. Мы каждый год теряли одно место в мире, каждый год, и только 2020 год в силу пандемии и в силу того, что у нас были не очень большие темпы падения, мы удержались на 49-м месте. На самом деле, все предыдущие годы мы теряли каждый год одно место по доходам на душу населения. Это говорит, во-первых, о качестве экономики и, во-вторых, о покупательной способности населения. Очень сложно развивать экономику высокими темпами при очень низких доходах населения. Это опять по паритету покупательной способности, по курсу сильно ниже.

При этом в предыдущие десять лет, другой, более точной информации, к сожалению, нет, нет информации за тридцать лет, но в последние десять лет финансовый рынок рос бурными темпами, но он рос как спекулятивный рынок. Я не буду в деталях останавливаться, вы потом можете посмотреть. Он рос как спекулятивный сектор. При этом, если накопленная инфляция была 84%, то кредиты малому и среднему бизнесу прибавили лишь 80%, это означает, что они упали на 4%. Все остальные, условно, финансовые сектора – это все спекулятивный переход одних активов от одного к другому, а вот реальный сектор – это IPO. Так вот, IPO за все десять лет – нулевой рост, в среднем 5 миллиардов долларов ежегодно, это примерно 400 миллиардов рублей, все. Это прямые вложения, прямые инвестиции в экономику.

В результате мы превратились в страну-кубышку. Мы накопили сегодня 126,5 триллионов рублей (я думаю, что сейчас больше, это на 1 января, пока нет других данных). Причем, наша общая полная денежная масса состоит примерно из двух равных частей в рублях и в валюте и

плюс еще Правительство, деньги которого находятся в Центральном банке. Притом, что у нас огромная денежная масса, мы растем такими темпами и имеем такой доход на душу населения. Почему? Потому что вся финансовая система у нас абсолютно спекулятивная: взял подешевле, продал подороже. Вся наша система торгует рисками, берет подешевле, продает подороже.

В результате у нас такая структура инвестиций в основной капитал, это главная проблема. Эта структура инвестиций – это главная проблема нашего низкого роста. Во всем мире 2/3 инвестиций экономика черпает с финансового рынка. У нас финансовый рынок, если вы отнимете долю государства, из привлеченных средств, 43%, почти 20%, вы получите 25%.

(00:25:07)

Финансовый рынок обеспечивает сегодня у нас всего 25% финансирования инвестиций. Во всем мире, подчеркиваю, 2-3. Банки – 9,5%, всего 9,5%. Все остальные сектора финансового рынка, вы видите, ниже, копейки. При этом банки занимают 82% всего финансового рынка по активам. 82% рожают, извините, эти 9,5% в структуре инвестиций. Это основная проблема. У нас финансовый рынок не работает на инвестиции.

Небанковские финансовые активы, вот видите, копеечные доли негосударственных пенсионных фондов, страховых компаний. Во всем мире это один из основных источников, институциональный источник инвестиций в основной капитал.

Мы по валовому накоплению капитала, вот у нас 22%, мир – 26%, Турция – 30%, Индонезия – 35%, Китай – 43%.

Можем ли мы достичь тех национальных целей, которые поставил Президент? Можем, если создадим современный, развитый финансовый рынок. Вот такие должны быть монетарные условия этого финансового рынка. Они невероятно колоссальные, но я хочу сказать, тот накопленный объем, если мы достанем из кубышки тот накопленный объем средств и реально вложим в экономику, то мы спокойно достигнем этих монетарных целей. Если мы не сделаем этого, мы этих монетарных целей не достигнем и, естественно, не достигнем национальных целей, мы так и будем страной-кубышкой.

Ключевая проблема, почему у нас недостаточный объем инвестиций в экономике, в самой экономике. Низкий рост по той простой причине, что у нас государство изымает из экономики огромный объем добавленной стоимости. Вот показатели. Италия изымает 47%, 2% рост, мы 40%, 2,4%. Дальше вы видите, Ирландия... Даже Соединенные Штаты изымают всего 31,5%, и достаточно высокий рост обеспечивают. Ирландия 25% изымает, 6%; Китай 22% изымает, 8% рост. Вот вам и объяснение, почему избыточное изъятие денег государством из экономики тормозит экономический рост. Это изъятие, тем более, я считаю, что это просто какое-то безумие, изымать из экономики и складировать в иностранных государствах, обеспечивая экономический рост в этих странах.

Последний вопрос. Центральный банк нам всем говорит, что если будет низкая инфляция, будет высокий экономический рост. Я уже устал объяснять, и, тем не менее, скажу. У них перепутанное отношение к тому, что есть инфляция. Они считают, что экономический рост есть функция инфляции. Если будет низкая инфляция, будет высокий экономический рост. Это путаница полная. Экономический рост есть функция инвестиций, это классика. В мире давно доказано, если вы хотите обеспечить 1% плюс экономического роста реального, вы должны обеспечить 2% роста инвестиций. Рост – это функция инвестиций, а инфляция – это функция роста. Тоже давно доказано, да, при бурном росте может быть рост инфляции. Но если бурный рост продолжается продолжительный период, то инфляция падает, потому что увеличивается благосостояние и покупательная способность населения и обеспечение продукцией. Поэтому тоже этот график совершенно четко об этом свидетельствует. При даже высокой инфляции, Индия, 21%, накопленный за пять лет, 30% рост. Китай, низкая инфляция, такой же высокий рост. Наоборот, Россия – 34% инфляция, 17% рост. Япония – 2,7% инфляции, 15% рост.

(00:30:11)

Не коррелируется, не является экономический рост функцией инфляции, это совершенно четко.

То, что касается самых главных направлений. Совершенно понятно, нужно снижать, я, в принципе, об этом уже сказал, снижать изъятие государства, реформировать налоговую систему из фискальной в стимулирующую. Нужен абсолютно точно новый механизм трансмиссии, от спекулятивного банкинга необходимо переходить к ESG-инвестированию, ограничить монополизацию банковского сектора, развивать опережающими темпами небанковские финансовые институты. Поставить вопрос про программу развития региональных и муниципальных финансовых систем, в том числе, я считаю, что было бы правильно на базе «МСП-Банка» создать специализированный Банк развития регионов. Стимулировать – я в широком смысле слова – инвестиционную деятельность кредитных организаций.

Между прочим, в ряде стран, когда требовалось срочно увеличить инвестирование, банкам ставилась задача в процентном соотношении от всех активов обеспечить столько-то инвестиций. Прямо директивно ставилась задача, и они выполняли эту задачу. Я думаю, что сегодня надо это сделать.

Про специализированные инвестиционные банки я уже устал говорить. Мы 30 лет строим рыночную экономику, у нас нет ни одного специализированного инвестиционного банка, за исключением «ВЭБ», и тот не входит в банковскую систему. Национальные резервы Правительства и Центрального банка совершенно четко надо использовать для лизинга самых современных технологий и оборудования в целях модернизации экономики. По-моему, все. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Владимир Андреевич, за такой проработанный доклад с конкретными предложениями, все обязательно учтем. Действительно, все очень понятно, доходчиво и ясно. Рецепт оздоровления экономики есть.

Дмитриева Оксана Генриховна, член комиссии по промышленности, экономики и собственности Законодательного собрания города Санкт-Петербург. По видео. Здравствуйте, Оксана Генриховна.

Оксана Дмитриева: Здравствуйте. Я рада вас приветствовать из Санкт-Петербурга. Я нахожусь в своем кабинете в Мариинском дворце в Санкт-Петербурге. Я хотела бы остановиться на вопросах о том, как нам балансировать бюджет в условиях задач, которые стоят сейчас. С одной стороны, это решение социальных проблем и борьба с бедностью. С другой стороны, нужно стимулировать экономику. Третья задача – это все-таки обеспечить сбалансированность и бюджета, и экономики.

Несколько вопросов хотелось бы из тех, что затронул предыдущий оратор. По поводу экономического роста. Действительно, страна очень долго догоняла саму себя. К 2007-2008 годам наконец Россия догнала себя, ту, которой она была, по экономике, по ВВП, по промышленному производству. К 2007-2008 годам догнала тот уровень, который был на конец 80-х, начало 90 годов. А дальше мы можем сказать, что из кризиса 2008-2009 годов мы до сего времени не вышли, потому что относительный рост, который был в 2010-2012 годах, в 2013 году уже был нулевой рост, еще до кризиса, связанного с санкциями. В 2014 году был рост, и потом все время мы из одного кризиса не выходим, и входим в следующий кризис. Причем, часто этот кризис является рукотворным и следствием просто ошибок, которые допускаются на уровне макроэкономической, налоговой и промышленной политики.

(00:35:03)

Теперь что касается Фонда национального благосостояния, Стабилизационного фонда. Я боролась с этим и как депутат Государственной Думы, и как профессиональный экономист. Были разные аргументы, которые давались для обоснования необходимости формирования Стабилизационного фонда, потом он стал называться Фондом национального благосостояния, Резервным фондом. Поначалу говорилось о том, что нужна стерилизация денежной массы, иначе у нас будет «голландская болезнь», хотя я совершенно согласна и об этом я говорила, писала, обосновывала и давала модельные расчеты, что это искусственный тормоз, встроенный тормоз экономического роста, так называемый кейнсианский мультипликатор вверх ногами, тогда, когда созданный ВВП просто изымается из экономики.

Дальше говорилась аргументация о том, что формирование Фонда национального благосостояния – это кубышка на черный день. Но дело в том, что в черный день эта кубышка не работает по целому ряду причин. Если средства, допустим, условно говоря, изымаются из Фонда национального благосостояния в черный день, например, в пандемию, и направляются на развитие экономики или на решение социальных проблем, с точки зрения экономики, если

они идут на внутренние расходы, то это та же самая миссия. С деньгами Фонда национального благосостояния ничего не происходит, кроме того, что они перестают числиться за Правительством, а уже переписываются на Центральный банк, оставаясь вообще в том же самом размещении, физически на том же самом счете, только числятся теперь за Центральным банком. На самом деле, это та же самая эмиссия.

Поэтому, когда сейчас те же самые экономисты, которые ратовали за Фонд национального благосостояния – Кудрин, Гуреев и так далее – орали в период пандемии: «Распечатайте кубышку и раздайте всем по 10-20 тысяч», то есть фактически это эмиссия, была бы эта кубышка, не была бы эта кубышка. Печатный станок у нас есть, поэтому здесь нет никакой разницы. Но вопрос о том, сколько тратить, условно говоря, можно назвать это эмиссией, можно назвать это использованием средств Фонда национального благосостояния, определяется тем, какой уровень дефицита бюджета, покрываемый эмиссией, мы можем себе позволить без того, чтобы спустить спусковой крючок инфляции, запустить инфляцию.

По моему опыту разработки и составления, принятия бюджета в середине и в конце 90-х годов, на мой взгляд, можно иметь дефицит бюджета, покрываемый эмиссией или использованием средств Фонда национального благосостояния до 20-30% от собственных доходов бюджета. Особенно тогда, когда мы имели скачок инфляции вследствие девальвации рубля по целому ряду причин.

Соответственно, это может быть в условиях 2021 года и 2020 года где-то от 5 до 7 триллионов рублей. Поэтому эти средства можно тратить на различные цели, не усиливая налоговый пресс и не осуществляя урезания социальных расходов.

На что, прежде всего, необходимо сейчас расходовать средства дефицитного финансирования бюджета? Прежде всего, это помощь регионам, потому что основные пандемические расходы пришлись на регионы. Они резали по живому, и очень многие влезали в коммерческую задолженность. В послании Президента эта проблема признана, но, правда, решение очень половинчатое – помогать только тем регионам, которые уже достигли задолженность 25% долга от собственных расходов. Это действительно касается регионов слабых, но специфика пандемических расходов заключается в том, что в долг залезли даже те регионы, которые относительно финансово благополучны, как, например, Санкт-Петербург, у которого объективно впервые появился объективный дефицит бюджетных средств, появилась реальная задолженность и, кроме того, урезали реальные расходы бюджета, которые, так или иначе, влияют на экономическое развитие.

(00:40:27)

Это, прежде всего, ЖКХ, капремонт, это инвестиционная программа, которая не может не сказаться на экономическом росте.

Поэтому, конечно, необходимо, прежде всего, из-за тех вопросов, которые нужно осуществлять дефицитное финансирование, это помощь регионам, потому что там большая задолженность и режут они свои доходы. Второй вопрос...

Константин Бабкин: Оксана Генриховна, очень интересный доклад, но у нас регламент 7 минут, извините, я не сказал. Нужно постепенно завершать.

Оксана Дмитриева: Тогда два тезиса скажу, на что еще надо тратить.

Второй вопрос – это, конечно, социальные расходы, и здесь в последнее время у нас определенный крен, он как бы справедливый, в пользу помощи семье и детям, и, наверное, все эти расходы оправданы. Но плюс к ним нужно все-таки исправлять грубейшие ошибки в социальной области. Это пенсионная реформа, необходимо вернуться к вопросу о возврате к прежнему пенсионному возрасту; индексация работающим пенсионерам. В совокупности это расходы где-то дополнительно 700-800 миллиардов.

Таким образом, если возвращаться к тому, какой у нас люфт по эмиссии либо, другими словами, использовании средств Фонда национального благосостояния, то этот люфт позволяет и осуществить помощь регионам, и решение насущных социальных проблем. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо большое за интересный доклад, конкретные предложения. Самохвалов Аркадий Федорович, замминистра экономики в Правительстве Примакова. Современное Минэкономразвития к нам не ходит, будем пользоваться идеями Правительства Примакова.

Аркадий Самохвалов: Старыми. Как известно, новое – это хорошо забытое старое. Всем понятно, и сколько мы говорим об этом, что главное – обеспечить рост экономики. Рост экономики можно обеспечить только изменением условий хозяйствования. Нужны изменения в экономике, нужны изменения в условиях хозяйствования, и только тогда наступит, действительно, этот рост и те изменения, которые мы ждем.

Мне кажется, и это замечание не лекционного свойства, что мы все-таки все время говорим об изменении на уровне инструментов. Это совершенно правильно. У нас инструментами являются и налоговая политика, и регулирование внешнеторговой деятельности, и все остальное, и бюджетная политика, и кредитно-денежная политика. Но к чему эти политики и их изменения должны приводить? Это очень важно. Гораздо конструктивнее, мне кажется, наметить эти изменения, реальные изменения в реальной экономической политике, которые будут связаны с движением и изменением действительно отношения государства к происходящему.

Какие четыре, я себе сформулировал четыре этих крупных направления. Причем, я не говорю, что здесь будет открыта Америка. Здесь речь идет просто о переформулировании и сжатию нашего представления о необходимых изменениях, сделать его более агрессивным.

Первое. Это, конечно же, надо прекратить с чрезмерной зависимостью от импорта и экспорта. Мы говорим об этом 30 лет, но ничего не происходит. Надо добиться, чтобы это происходило. Но чтобы добиться этого, надо не только, допустим, мы очень часто говорим, защищать отечественных производителей от их иностранных конкурентов.

(00:44:54)

Господа, на мой взгляд, внутренние враги, монополисты сейчас оказывают гораздо более разрушительное воздействие на развитие российской экономики, чем какие-то конкуренты. У нас металлургии 30 лет делают с ценами, что хотят, и у нас внутри страны цены на металл гораздо дороже, чем отечественный металл стоит за рубежом. Я не говорю об энергетиках, о нефтяниках, которые все время рассказывают о том, что происходит на мировых рынках, но цены у нас внутри страны на нефтепродукты непрерывно растут, независимо от того, падает цена мировая, растет мировая цена. Все это очень вредно сказывается на экономике.

Второе направление, в котором должны появиться зримые изменения, это политэкономическое решение. Мы должны провозгласить и следовать этому курсу на преимущественное использование внутренних средств, финансовых ресурсов на развитие экономики. Все, что говорил Гамза, великолепно все это дело, но этот поворот без тех мер, про которые говорит Владимир Андреевич, невозможен. Но такая постановка более общая, и она охватывает не только то, что говорил Гамза, но и многое другое цепляет, и другие инструменты тоже должны быть подключены к этой задаче. Я уже не говорю о том, что, действительно, финансово-инструментарная составляющая в работе наших финансовых институтов доминирует, и уже давно и безнадежно превышена.

Третье. Речь идет о том, чтобы стало понятно, что Правительство занимается или ведет к повсеместному росту экономики, а не к росту экономики в Москве, Петербурге, и еще четыре-пять мест. Но для достижения этого нужны опять меры, состоящие из многих инструментов. Но в первую очередь нужно поменять межбюджетную политику. Надо сделать так, чтобы ресурсы в регионах действительно были значимыми для развития собственных планов развития, инициатив развития. Но это можно и нужно сделать не за счет того, что вдруг мы оголим федеральный бюджет, нет. Достаточно перераспределить четыре налога, которые основными являются: прибыль, налог на доходы, НДС и, может быть, еще и налог на природные ресурсы. Понимаете, отдавать налог на прибыль в регионы и выдумывать правила о том, как обеспечить прибыльное производство в центре, это глупость, которая ведет к очень плохим последствиям. Прибыли не хватает в регионах, и, значит, не хватает бюджетных доходов регионам на свое развитие.

То же самое с подоходным налогом. Центр выдумывает правила и отказывается, допустим, использовать шкалу прогрессивную, потому что центру не нужен этот доход. Федеральный бюджет не зависит от доходов, от налогов населения. Он этим и не занимается, и не займется никогда.

Поэтому буквально арифметическое упражнение может привести к тому, чтобы, перераспределив эти основные налоги, мы отдали очень много ресурсов регионов для проявления властью самостоятельной инициативы, в ходе которой получатся сверхплановые доходы, которые тоже нужно научиться оставлять в регионах на дальнейшее развитие.

Последнее направление для изменений – нужно кардинальным образом пересмотреть, как мы финансируем социальную сферу. У нас государство федеративное, и у нас регионы и федеральный бюджет – это все государство, и политика это должна быть государства. Нужно вернуться к советской практике и централизовать планирование социальных расходов по этим двум уровням бюджетной системы таким образом, чтобы население, независимо от проживания, понимало, что одинаково к нему относятся, независимо от места этого проживания, на Сахалине, в Иваново, на Кавказе и так далее.

Если мы эти изменения в зримом таком наполнении увидим в деятельности Правительства, с использованием всех возможных инструментов регулирования экономических процессов, мы получим экономический рост. Спасибо.

(00:50:08)

Константин Бабкин: Спасибо, Аркадий Федорович. Пока все видят возможности для роста, все видят, что в стране куча денег, и все предлагают рецепты реалистичные, как эти деньги можно использовать с пользой. Паршев Андрей Петрович, экономист, главный редактор портала km.ru.

Андрей Паршев: Боюсь, что я даже повторюсь немножко за предыдущими ораторами. Я напомню. Курс на реформы, взятый в нашей стране в 90-е годы, предусматривал в качестве важного элемента опору на привлечение иностранных инвестиций в производящие отрасли, причем предполагалось, что они выведут отечественное производство на мировой уровень качества и конкурентоспособности, с тем чтобы они, а не сырьевые отрасли, зарабатывали для страны валюту. Я хорошо помню, идея была такая. Она до сих пор повторяется. За 30 лет реформ эта задача не была выполнена. Некоторое количество привлеченных иностранных инвестиций, РФПИ, в частности, их привлекает, ориентированы в основном не на производство, во-вторых, исключительно на эксплуатацию внутреннего российского рынка, то есть в конечном итоге на вывоз из страны в качестве прибыли той самой валюты, которая зарабатывается отечественными, в основном сырьевыми отраслями.

Если концепция не работает, она должна была бы быть отвергнута уже давно. Но по причинам неэкономического свойства она до сих пор в ходу. Но вообще-то говорится, что если ты заметил, что сидишь на дохлой лошади, то слезь с нее, и, в общем-то, неважно, отчего она сдохла.

Сейчас уже, в общем, всем очевидно, что основные источники инвестиций у нас внутренние, но беда только в том, что источники эти вроде бы задействованы бюджетом, а лишних средств

в бюджете нет. Тем не менее, они все-таки есть. Возможно даже финансирование, как оказалось, внебюджетных трат. Например, недавно в послании Президента были объявлены экстраординарные меры социальной поддержки, и вы знаете, финансовые ресурсы для этого обнаружались.

Какие основные направления возможны? Речь идет о том, где брать деньги для инвестиций. Во-первых, возможен маневр бюджетными средствами на разных уровнях. О чем идет речь? Что сейчас принята такая тактика прямых инвестиций: просто берутся из бюджета деньги и инвестируются, тем же самым Фондом прямых инвестиций и еще некоторыми организациями. Но ведь возможен и другой способ, то есть снижение налоговой нагрузки на предприятия, и чтобы предприятия сами распорядились этими средствами в инвестиционных целях. Да, есть такая опасность, что будет нецелевое использование. Этот вопрос просто надо решать, то есть одновременно со снижением налоговой нагрузки заключать инвестиционные контракты между предприятием и соответствующими инвестиционными органами, вот они тут у нас, кое-где, так сказать, напечатано, что это за органы.

Доступ к заемным средствам. Тут уже говорилось раньше, что наша банковская система подобна тому телефону, который сделал Старик Хоттабыч, из самого лучшего мрамора: он очень красивый, но только он не работает. Наша банковская система в инвестиционном плане именно такая. Почему? В уставе написано: «Извлекать прибыль». Нет, к сожалению, сейчас ни одного производства, которое сразу бы давало процент прибыли, соответствующий заемному проценту, просто его такого в природе не существует. Необходимо саму всю эту систему реформировать, и банки должны выступать в качестве соинвестора, это, в общем, очевидно.

И такой частный момент. У нас тут говорилось о том, что необходима система протекционизма.

(00:55:00)

Главным образом в таком в разрезе, то есть берется такая функция протекционистских пошлин, как защита своего производителя. Но ведь у этих пошлин, у повышенных пошлин есть еще и фискальная функция, то есть собственно получения денег. Мы это уже проходили в 90-е годы XIX века, когда знаменитый таможенный тариф, разработанный, в частности, Менделеевым, был внедрен. Оказалось, что таможенные сборы выросли, а не уменьшились, как предполагалось. Так вот, это опять-таки дополнительные деньги. Вполне возможно, что такая ситуация возможна и сейчас.

Тем не менее, мы подходим к одному, самому, наверное, существенному моменту. Оксана Генриховна сказала совершенно верно, что распечатывать кубышку рублевую – это совершенно то же самое, что просто производить эмиссию, никакой разницы нет. С валютной кубышкой немножко другая ситуация. Мы, как бы сказать, не можем эмитировать валюту. Так вот, дело-то в том, что все эти 30 лет наши в основном у нас идет отток капитала, десятки

миллиардов долларов. По большому счету, у нас других ресурсов для инвестиций нет. Этот вопрос обязательно должен быть решен, и этот ресурс придется использовать.

Главная проблема при реализации протекционизма – это то, что при этом растут цены, к сожалению, для потребителя. Это политическая проблема. Но я надеюсь, что в современных политических условиях наши граждане поймут, что нам необходимо иметь собственное производство, иначе нас съедят. Спасибо за внимание.

Константин Бабкин: «Иначе нас сомнут», как Иосиф Виссарионович говорил.

Андрей Паршев: А потом съедят.

Константин Бабкин: Овчинников Олег Григорьевич, руководитель Центра аграрных проблем Института США и Канады Российской академии наук.

Олег Овчинников: Уважаемый ведущий, участники и гости заседания! Сегодня я попытаюсь сформулировать свою версию ответа на вопрос, вынесенный на повестку дня заседания, и применительно к аграрному сектору страны – каким образом придать аграрному сектору России динамичный экономический рост. Логическая последовательность моего изложения представлена на слайде.

Итак, первое. Сформулируем основные условия обеспечения экономического роста в аграрном секторе. Скажу, вероятно, известную всем истину. Есть два, с учетом аграрной специфики, основных условия. Во-первых, мы должны обеспечить уверенность сельхозпроизводителю в том, что он сможет гарантированно реализовать свою продукцию по ценам не ниже определенного минимального уровня. Во-вторых, и это связано с первым условием, мы должны обеспечить определенный гарантированный спрос на произведенную продукцию.

Коротко ответим на вопрос, какова роль государства в достижении роста в аграрном секторе экономики. В США в рамках «Новой экономической политики» ее аграрная составляющая стала основным драйвером преодоления глубочайшего кризиса, Великой депрессии 30-х годов прошлого века. С тех пор путем проб и ошибок, непрерывно совершенствуясь, она достигла высокого уровня, оказывая решающее влияние на состояние аграрного сектора страны.

В России госрегулирование сейчас также является главным драйвером развития АПК. В ходе опроса, проведенного компанией Deloitte в 2018-2019 годах представителей агробизнеса попросили оценить факторы роста конкурентоспособности. Первые два места неизменно занимали факторы, напрямую связанные с аграрной политикой государства.

Но работают ли меры аграрной политики в России должным образом? Для ответа на этот вопрос проведем оценку эффективности таких мер в России и США. Сразу отвечу на вопрос скептиков, обычно говорящих: «Америка нам не указ, мы сами с усами». В целом согласен, но

считаю что только ханжи не учатся на чужих достижениях и ошибках, тем более, что аграрный сектор США является несомненным лидером аграрного мира и доказал право так называться в течение многих десятилетий.

(00:59:57)

Для иллюстрации проведем сравнение основных производственных показателей России и США.

Лишь констатирую факты. Площадь пашни в США больше, чем в России, на 13%. С учетом того, что до 40 млн га у нас зарастает бурьяном и лесом.

А что же по производству? Производство зерна в США в 3,6 раз больше, чем в России. Масла семян- 6,7 раза. Мяса – 4,4 раза. Молока – 3,2 раза.

Итак, если площадь пашни различается на проценты, то по производству основных видов продукции – в разы.

Да, агроклиматический потенциал в США в целом выше, чем в России, но не настолько же.

Можем ли мы поднять свое производство до соизмеримых с США величин? Уверен, что да. Для этого есть все ресурсы. Необходимы для соответствующие перемены в аграрной политике. Без них ничего не получится.

Какие это перемены? Выявим их на основании анализа различий в реализации мер аграрной политики в России и США. Выделим три направления. Они перечислены на слайде.

Первое в сравнении. Основные принципы организации аграрной политики, которые полностью соблюдаются в практике госрегулирования США. Их соблюдение – на наш взгляд, это самое главное. Обратите внимание на один из принципов, что ни один из принципов эффективной аграрной политики в России полностью не соблюдается. Из девяти выделенных принципов пять не соблюдаются вообще.

Второе. Теперь давайте сравним основные направления, в которых реализуются меры аграрной политики в России и США. Американские меры как более полные взяты за основу и прописаны по последнему сельхоззакону 2018 года. Российские взяты из госпрограммы.

На слайде представлены меры, воздействующие на производство сельхозпродукции.

На следующем слайде сравнение мер, влияющих на потребление сельхозпродукции, а также прочие направления аграрной политики. Какие мы видим отличия в структуре мер аграрной политики в России и США? Основных отличий два. Во-первых, российский механизм поддержки производителя заметно отличается от тех, которые практикуются в США. Их также существенно меньше.

Во-вторых, бросается в глаза фактическое отсутствие поддержки сферы потребления сельхозпродукции. Итак, программы продовольственной помощи у нас до сих пор нет.

Программа развития экспорта в России хотя и существует, однако внедряется недостаточно активно. В их законодательной базе существует много недоработок. Поэтому в целом можно констатировать, что меры российской аграрной политики в сфере потребления фактически развиты слабо.

Наконец, третье. Давайте сравним механизмы поддержки сельхозпроизводителей в России и США. На слайде представлен перечень основных семи программ мероприятий поддержки в России, применяемые механизмы и наличие такой практики в США. Можно заметить, что практически ни один из используемых в российской программе поддержки механизмов в США не используется.

Следует отметить интересную деталь. Значительная часть средств поддержки в России вообще не попадает к сельхозпроизводителям. Например, в 2017 году из 178 млрд руб., направляемых на реализацию мероприятий основных семи направлений госпрограммы, 75 млрд руб. (или 42% средств) было перечислено только банкам на погашение разницы процентной ставки. В США практически все средства по кредитным программам доходят до их получатели – фермеров. Более того, в отличие российской практики, основными участниками (более 70%) государственных кредитных программ в США являются небольшие фермеры из группы, начинающих, социально незащищенных и тому подобное, то есть те, кто не может получить кредит на общих основаниях.

На следующем слайде представлены основные программы поддержки в США, используемые в них механизмы и наличие такой практики в России. Отмечу два момента. Во-первых, перечисленные направления поддержки не исчерпывают всех, а только те, которые имеются в России. Во-вторых, перечисленные в таблице программы, реализуемые в США, далеко не исчерпывают все, их гораздо больше, приведены лишь основные.

Нетрудно заметить, что практически ни один из механизмов, используемых в США, в России не применяется.

На наш взгляд, современная аграрная политика России в целом малоэффективна, предлагает весьма ограниченный набор инструментов поддержки сельхозпроизводителей, нацеленных на крупный агробизнес, который и без господдержки мог бы успешно развиваться. Есть ли будущее у АПК России при таком состоянии дел? Да, возможно, есть, но совершенно не то, каким могло бы быть.

Я далек от той мысли, что мы должны слепо копировать американский опыт, но признать, что нынешняя практика поддержки в России малоэффективна и приступить к ее совершенствованию, я уверен, обязаны, в том числе используя опыт реализации аграрных программ в США.

Констатируя несовершенство аграрной политики, невольно возникает вопрос: почему так? Выскажу свое мнение о важной причине такого состояния. Отношение аграрных чиновников к

рекомендациям экспертов. Бюрократы от Минсельхоза не интересуются мнением ученых, практически не принимают участия в научно-практических конференциях. Такое впечатление, что чиновники считают свое мнение истиной в последней инстанции, не нуждающейся ни в чьих советах.

Позвольте подвести итог и дать ответ на вопрос повестки дня. Каким образом придать аграрному сектору России динамичный экономический рост? Ответ однозначен. Кардинальным образом реформировав, прежде всего, принципы, затем и механизмы аграрной политики. Большая часть других вопросов будет отрегулирована рынком, так, как это было и есть в США, да и многих других странах.

Спасибо за внимание.

Константин Бабкин: И в сельском хозяйстве мы видим, что проблема не в отсутствии, недостатке денег, а в неправильной политике, в неправильных используемых инструментах. Спасибо за выступление.

Георгиева Юлия Владимировна, генеральный директор консалтинговой компании «Аудит Групп».

(01:05:55)

Юлия Георгиева: Сегодня уже неоднократно говорилось, что грамотная налоговая политика – это одна из важнейших составляющих стимуляции экономического роста. И наше Правительство думает об этом тоже, и Минфин утвердил основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на ближайшие три года. И я коротко сегодня расскажу о тех мерах, которые планируется внедрить в ближайшие три года для поддержки бизнеса.

Если посмотреть на этот документ, то можно выделить, что ключевое изменение – это реализация маневра по сбалансированному снижению прямых налогов на труд предприятий МСП. За счет чего? Трех основных факторов – это повышение эффективности налоговых льгот при добыче нефти, повышение ставок НДС, и снижение степени регрессивности в налогообложении доходов. То есть это та самая программа, по сути, по деофшоризации.

Также планируется несколько дополнительных мер в поддержку МСП. И сейчас на рассмотрении законопроект о расширении сфер применения упрощенной и патентной систем налогообложения, который должен помочь малому бизнесу быть более устойчивым. Это расширение патента для юрлиц, а не только для ИП, как сегодня, повышение критериев для патента, то есть это с точки зрения численности, с точки зрения увеличения прибыли. Также повышение критериев упрощенной системы налогообложения, снижение ставок (это отдается на откуп регионам) до 4% налога на прибыль, или до нуля – это для пострадавших отраслей, которые пострадали в результате пандемии.

И также рассматривается внедрение семейного патента для возможности ведения семейного бизнеса.

Если переходить уже непосредственно к стратегической карте ФНС и смотреть более детально, то есть там несколько основных направлений. Одно из направлений – это повышение инвестиционной активности. Там можно выделить два направления налоговых и финансовых мер, стимулирующих эту самую активность. То есть это введение налогового вычета по акцизам на сырье, и переход к новому порядку предоставления налоговых льгот инвестиционного характера, которые предусматривают заключение соглашения между получателем этих самых льгот и Правительством РФ.

Следующее направление, которое прописано и имеет тоже ряд мер – это направление по деофшоризации. Здесь тоже есть такие какие-то ключевые моменты, которые должны повлиять, по мнению ФНС, на стимуляцию экономического роста. Это пересмотр соглашения об избежании двойного налогообложения, тем самым чтобы пресечь уход от уплаты налога по транзитным юрисдикциям. Введение права уплачивать НДС в отношении доходов в виде прибыли КИК в фиксированном размере (это уже было реализовано). То есть заплатите 5 млн, и, в общем-то, больше платить ничего не надо. И достаточно большое количество воспользовались этим предложением (оно уже было внедрено).

Сокращение возможности уклонения в сфере международного налогообложения здесь вводится. И продолжается развитие концепции фактического права на доход, формирование правил определения статуса постоянного представительства, и так далее.

Приведение законодательства о международном автоматическом обмене информации в соответствие к единому стандарту. И урегулирование вопросов налогообложения цифровой валюты и налогового контроля за ее оборотом. Здесь пока еще достаточно всё сырое, но, тем не менее, они двигаются в этом направлении.

(01:10:06)

Далее есть перечень мер налогового администрирования, планируемых к внедрению, которые также ФНС декларирует как основные с точки зрения поддержки. Я коротко пройду, не буду по ним более детально рассказывать, потому что это отдельная тема для разговора. То есть, по сути, можно сказать – у меня тут два слайда, – что все эти меры приводят к усилению налогового и финансового контроля бизнеса. То есть это более прозрачная для налоговых органов система контроля для налоговых органов, система контроля, электронный документооборот, создание единого реестра населения со всеми биометрическими данными, внедрение системы **ЗАГС** (01:11:01) ФНС для контроля аффилированности лиц, компаний, для поиска бенефициаров.

Введение институтов налогового счета (пока не очень понятно, как будет работать, то есть все налоги в один котел).

Создание аналитической системы «Налоговые расходы». Наверное, это для физических лиц тоже важный пункт, потому что планируется доначисление налогов на доходы по расходам физлиц, то есть это, по сути, борьба с теневыми доходами.

Внедрение системы документооборота (уже сказала).

Создание системы контроля за соблюдением валютного законодательства. Это планируется также отдать в ведомство ФНС.

Внедрение ВКС для общения с Налоговой (для удобства).

Сервис «Утрата близкого человека». То есть планируется также через, условно говоря, Госуслуги получать свидетельство о рождении, смерти без каких-то гербовых печатей, и тем самым видеть это тоже в одном формате, в одной базе.

Автоматизированное выявление рисков (завышенная стоимость реализации, заниженная стоимость реализации). Планируется внедрение программы, которая будет контролировать ценообразование по товарным потокам. На первом этапе это всё, что касается внешнеэкономической деятельности. Далее планируется и по товарным потокам внутри России.

Также основной термин, который тоже фигурирует в этом плане – это прослеживаемость импортированных товаров. Планируется в этом году летом запустить этот сервис. Перечень этих контролируемых товаров будет утверждать Правительство РФ, и, по сути, будет достаточно легко понять, откуда каждый товар пришел, по какой цене он был закуплен, и дальше как он был принят, и какие налоги с этого были заплачены.

Также новые права добавляются у налоговых органов в соответствии с федеральным законом по закреплению закрытого перечня обстоятельств, при котором декларации считаются непредставленными.

На мой взгляд, ФНС заявило этот план как основные меры поддержки для бизнеса. Но у меня оно вызывает двоякое ощущение, потому что, с одной стороны, нам протягивают руку помощи, с другой стороны, усиление этих мер налогового контроля и финансового контроля приводит к тому, что бизнес будет вынужден выплачивать гораздо больше, потому что дополнительно будут и штрафные санкции, и какие-то другие косвенные налоги, которые бизнес вынужден платить. Поэтому наша задача, мне кажется, с точки зрения стимулирования инициатив по снижению налогов – как-то не допустить данный перекосяк и не позволить бизнесу стать на колени окончательно. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. Правильно, что всё больше компьютеризируется, цифровизируется система сбора налогов. И во время руководства Налоговой службой Михаила Владимировича Мишустина уменьшилось количество проверок, при этом собираемость налогов возросла. Наверное, это его заслуга. Но при этом, если бы качество

работы Налоговой службы сопровождалось снижением налогов, то это действительно направление, которое можно было бы приветствовать. Но пока речь идет только лишь об увеличении налоговой нагрузки, что вызывает действительно вопросы. Поэтому мы должны за этим всем следить. Если бы еще снижалась налоговая нагрузка, вообще молодцы были бы.

Павлов Анатолий Иванович, председатель совета директоров компании «Пневмостроймашина».

В сельхозмашиностроении, в специализированном машиностроении есть определенный рост, но при этом нас критикуют за то, что не все компоненты для машин мы производим в России и часто покупаем импортные. И среди этих видов компонентов называют подшипники, двигатели, коробки передач и элементы гидравлики. Так вот Анатолий Иванович руководит компанией, которая производит гидравлические системы в городе Перми.

Анатолий Павлов: В Екатеринбурге.

Константин Бабкин: Да, в Екатеринбурге. И как же так сделать, чтобы инвестиции в производство гидравлики, во-первых, пошли, во-вторых, появился экономический рост и в этом сегменте? Пожалуйста, Анатолий Иванович.

Анатолий Павлов: Я бы хотел начать выступление не с этого, а со всех машиностроителей. Сегодня у нас один источник – это прибыль, купить хороший станок, который бы соответствовал нашим представлениям о качественной продукции, которую он должен выпускать. На сегодня средняя стоимость станка с ЧПУ – это 15–20 млн руб. Ну, купил в лизинг, что-то сделал. Через 10 лет точно станок теряет, ты должен опять его восстанавливать, или ремонтировать, или новый покупать. Поэтому я думаю, что настало время поставить вопрос ребром, чтобы в машиностроении станочное оборудование шло как расходный материал. И пора менять учетную политику, потому что мы не угонимся за новациями.

На Западе станочное оборудование меняется в течение 5–7 лет. Мы же купили и радуемся 20 лет на этот станок, облизываем его ходим, хотя он уже свое назначение потерял полностью. Он уже и точности не имеет, уже микроны не туда, и так далее.

А гидравлика – это та отрасль, которая требует особой чистоты и точности.

Я маленько расскажу об отрасли гидравлики. Целый рынок российской гидравлики на сегодня оценивается где-то порядка 100 млрд руб. по году, это включая сюда не только гидромоторы и гидронасосы, это включает в себя гидростанции, которые почему-то ТПП выдают, кому не лень, гаражным кооперативам, и делает гидростанцию любая организация. В Екатеринбурге, город не слишком большой, но не маленький, только 57 фирм делают гидростанции. А что такое гидростанции? Это объект повышенной опасности. Он должен быть построен, он должен быть отрегулирован. Рынок гидростанций составляет где-то порядка 50 млрд руб. по России. И весь он теневой практически, или самое лучшее, если только индивидуальный предприниматель зарегистрирован. Выдает паспорта, и у него все

гидростанции покупают. А паспорт дают только на насос, который получает с нашего завода. А гидростанция – это объект повышенной опасности, и за этим следует, может быть, даже человеческая жизнь, если там более 300 бар.

(01:18:36)

Второе. Я бы хотел еще здесь остановиться маленько, и вы эту тему знаете. Это наш любимый сосед – украинская «Гидросила». В свое время, когда было несколько базовых гидравлических заводов, они были специализированные: один делал аксиалку, другой делал шестеренку, третий завод делал... Так получилось, что шестеренку делали на Украине. Купили агрегаты, поточные линии, и потребности практически всего Советского Союза в шестеренке закрывала Украина.

Потом получилось так, что они старые серии перелизали, украинцы, в новое время у «Пневмостроймашины», и старые серии выпускают успешно на сегодня на рынок. Они демпингуют ниже цеховой себестоимости на российском рынке, я даже в рынке не могу с ними конкурировать. Шестеренка 100% тоже украинская. Чуть-чуть в рынке появляются болгары, маленько появляются турки, немцы. И это беда, за которую никто не берется.

Мне несколько раз предлагали: «Займись шестеренкой». Как я займусь шестеренкой, если на сегодня Украина заполонила всё и вся?

(01:20:01)

Ставил я об этом [в известность] Правительство Российской Федерации. Не реагирует. Они беспешинно завозят, никаких ни барьеров, ни ограничений. Какой нормальный человек возьмется за шестеренку сегодня, чтобы выпускать? Которая требуется всем. Конкурировать опять с «Гидросилой» никто не будет.

Поэтому сегодня ни оборона, ни предприятия шестеренку российскую не имеют. Я с полной ответственность могу сказать.

И третья беда, которая надвигается на гидравликов – я считаю, серьезная беда, – это наши отечественные металлурги. Сегодня хороший металл, гидроплотный чугун уже купить невозможно в России. Сегодня мы часть берем в Германии, уже на пальцы, потому что иначе некачественный продукт будет. Сколько мы ни писали этих писем, никто не может понять, а что дальше делать. 1 евро 10 центов, получается, высокопрочный чугун покупаем там. А я говорю немцам: «Ребята, а откуда вы берете?» – «Заготовки получаем из России». Они добавленную стоимость делают, делают навар, и я получаю этот чугун. Ну, это же смех, по идее-то.

И на пальцы, где требуется определенная сталь   (01:21:44) машиностроительная. То же самое, снято с производства всё. Металлурги цены поднимают, а занимаются только одной

заготовкой, у меня такое впечатление, и всё гонят за границу. Ну, мы скоро и без качественной стали останемся, машиностроители. Надо бить в колокола, бить тревогу.

И последний вопрос, на котором я бы хотел маленько остановиться – это о кадрах. Высшая школа почему-то решила сделать общее машиностроение специальностью. И во всех снимают специализированные кафедры. Двигателистов уже почти не осталось, гидравликов нет. Куда мы идем? Высшую школу заканчивает, институт, он в компьютере поковырялся, он не знает, что такое вообще производство. Надо, наверное, до конца продолжить и как-то... Например, на этом уровне мы как-то заключаем договора с институтами. Но это не решение проблемы. Надо выносить вопрос на федеральный уровень, что нельзя убирать специализацию в институтах, потому что воспитать гидравлика или моториста – это надо как минимум пятилетку, чтобы он хоть понял, что такое гидравлика. Инженер, я имею в виду.

Спасибо за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо. Очень важные вопросы ценообразования и вообще регулирования металлов. Это странная вещь. Metallурги через РСРП действительно сформировали такую политику, которая им самим не дает осуществлять инвестиции и стимулирует лишь вывоз переработанного черного металла. Мне кажется, это для них уже самих невыгодно, потому что на внешних рынках с этим переработанным металлом они тоже подвергаются дискриминации. А свой внутренний рынок они подавили и отдали иностранным поставщикам тех же шестеренок, других деталей. Доберемся, что и там придется наводить порядок.

И, действительно, вопрос подготовки кадров – очень важный вопрос. И я думаю, что одно из следующих заседаний нашего совета мы этому делу посвятим: науке, подготовке кадров. Мы наметили, что это будет в Дубне, наверное. Немножко еще спадет ограничение по пандемии, и мы туда двинемся и обсудим это всё, сделаем свои предложения.

Данилина Светлана Евгеньевна, генеральный директор компании «Таурис Феникс», город Санкт-Петербург, производство оборудования для перерабатывающей промышленности, один из лидеров и, наверное, лидер этой отрасли в России.

Светлана Данилина: Доброго дня, коллеги! Константин Анатольевич, благодарю вас за возможность участия в вашем совете, в заседании. Хотела бы присоединиться ко всему сказанному Анатолием Ивановичем. Проблема с кадрами, проблема с компонентной базой, проблема с металлом, достаточно острая на сегодняшний день. Поэтому машиностроители действительно сейчас пребывают в таком состоянии, когда мы и не можем поднимать цены, но мы вынуждены существовать в нынешней реалии.

На сегодняшний день хотелось бы затронуть еще одну тему, достаточно важную (Константин Анатольевич ее затрагивал) – это меры импортозамещения для IT-отрасли. На сегодняшний день существует достаточно серьезный и очень хороший налоговый маневр для IT-

подразделений, для IT-сегмента в принципе. Но нас никто не рассматривает, естественно, так как мы производим оборудование, как часть тоже развития IT-отрасли программного обеспечения интернета вещей, но в рамках применения всего этого пакета для производимого нами оборудования, так сказать, умной техники на сегодняшний день. Поэтому у нас есть предложение, и мы хотели бы, чтобы это было рассмотрено, распространить данный налоговый маневр на IT-подразделение наших заводов, машиностроителей, тех, кто производит умную технику, тех, кто занимается автоматизацией предприятий. Мы не просто производим машины. Мы производим автоматизированные линии, мы комплектуем цеха. Всё программное обеспечение, которое стоит на нашем оборудовании, производится нами же. Мы не покупаем его, мы создаем его сами. Для этого, естественно, в наших компаниях существуют целые подразделения, которые занимаются написанием программ, циклограммами, алгоритмами, интерфейсами. И мы бы хотели, чтобы данный налоговый маневр был распространен на нас в том числе. Как минимум, как Константин Анатольевич вначале своего выступления сказал, на те подразделения наших компаний, которые принимают в этом участие.

Каким образом можно, на мой взгляд, прямо сейчас рассмотреть это распространение? Это льготы по страховым взносам на те подразделения, наши подразделения, которые принимают непосредственное участие в подготовке отечественного ПО. Мы готовы, естественно, со своей стороны – я думаю, что никто не откажется – попасть в реестр отечественного программного обеспечения на сегодняшний день. Так же, как и IT-сегмент, и IT-индустрия, мы разрабатываем для себя, для своего оборудования интернет вещей и дополненную реальность в рамках нацпроекта по цифровизации экономики.

Нас с этой точки зрения, естественно, никто не рассматривает, а мы хотели бы, чтобы нас тоже рассмотрели.

Что касается еще одной из мер, которую на сегодняшний день, я считаю, возможно применять в данном направлении – это снизить процентную ставку налога на прибыль при продажах нашей единицы оборудования с использованием нашего российского программного обеспечения на территории Российской Федерации в рамках импортозамещения, потому что мы также с вами все этим занимаемся.

Вот такие у меня предложения на сегодняшний день.

Константин Бабкин: Очень разумно. Всё запишем, учтем. Спасибо.

Еще от вашей компании Сигитас Мицкус запланировал выступление?

Светлана Данилина: Сигитас здесь с нами, да. Президент компании «Таурис Феникс».

Сигитас Мицкус: Коллеги, добрый день! Спасибо за предоставленную возможность сказать пару слов. Я могу только присоединиться практически ко всем коллегам, которые уже высказывали свою точку зрения. И в действительности самое основное сегодня – все-таки я бы

сказал, что это кадры. Кадров не хватает катастрофически абсолютно по всем направлениям, по всем фронтам. То есть, что бы мы ни взяли, не только слесарь, сантехник, просто их физически нет. И мы вынуждены, по сути и по смыслу, строить жилые дома, детский садик, уже построили школу, которая призвана растить и воспитывать детей с садика, чтобы вырастить себе кого-то на производство. Мы не говорим уже об инженерах-конструкторах, с которыми, я уверен, каждый из нас имеет очень большую проблему, потому что уровень подготовки инженера-конструктора с высшей школой, мягко скажем, не то, что не соответствует даже чертежнику, а он просто выходит пустой. И нам приходится года три-четыре, порою на некоторых мы тратим больше пяти лет, для того, чтобы что-то вырастить, ибо наша отрасль как таковая отсутствует со времен Советского Союза, и подготовки к ней у нас специализированно просто никогда не было, даже в советское время.

(01:30:27)

Все, наверное, помнят, в советское время в нашей отрасли был практически единственный завод в Советском Союзе – это была в Литве компания Fasa. Она и сегодня существует, но не в том масштабе, в котором это было, которая поставляла во весь Советский Союз для всех пищевых заводов, начиная от техноложки, заканчивая упаковочной техникой. Сегодня, конечно, она гораздо меньше, ибо там уже, как в таких случаях говорят, Советский Союз развалился, и всё, что было, ушло в небытие. Мы одни из них, которые подхватили что-то, и сегодня действительно мы являемся лидерами России в своей отрасли, и пытаемся привнести самые последние технологии. Вот тот вопрос, который поднимался касательно станков, на которых мы должны делать детали. Это действительно большая проблема в том числе, поскольку в нашей стране, если говорить о станкостроителях, машиностроителях, которые должны делать программные станки, мягко скажем, если они есть, то ценообразование таково, что дешевле привезти немецкие, японские, тайваньские (я про китайские вообще не говорю).

И последнее. Хотелось добавить, что очень хотелось бы, чтобы наша экономическая почва, налоговая почва, которая есть в стране, она все-таки была направлена на развитие компании, на развитие частного бизнеса, неважно, с государственным участием или без. Но это главная задача для того, чтобы мы могли как-то выживать. Я уверен, что все из вас знают, какое количество в год закрывается предприятий разного уровня.

Вот то, что хотелось сказать. Спасибо, что дали возможность это высказать.

Константин Бабкин: Спасибо. Очень важную тему подняли, Сигитас. Тоже запишем как проблему, как предложение.

Действительно, в системе образования у нас идеология такая, что а) это услуга, на этом надо зарабатывать; б) система образования не должна готовить специалистов, она должна готовить магистров, бакалавров, людей, которые почитают «Википедию» и сделают разумный выбор, и выберут тот товар, который им правильно предложат. А специалистов по коробкам передач,

по подшипникам – такой задачи, насколько я наблюдаю и наблюдал, за последние десятилетия Министерство образования не ставило и до сих пор не ставит – готовить конкретных специалистов, ориентированных на конкретные сегменты нашей экономики, промышленности, сельского хозяйства. И эту ситуацию надо исправлять, конечно. Поэтому на следующем заседании более подробно обсудим.

Самодуров Георгий Васильевич, президент Российской Ассоциации «Станкоинструмент».

Георгий Самодуров: Добрый день, уважаемые коллеги! Я искренне хотел бы поблагодарить и Дмитрия Николаевича, Константина Анатольевича, Владимира Андреевича за то, что комитеты всегда выносят на повестку дня очень острые, но очень важные злободневные вопросы. И чем больше мы будем об этом говорить, тем больше будет от нас возможностей, чтобы наши позиции, наши вопросы слышали на государственном уровне.

Прежде чем начать свой краткий доклад, хотел кратко ответить на критику предыдущего выступающего. Может быть, после окончания нашего заседания комитета я хотел бы от вас услышать, где вы конкретно имеете информацию о том, что вы немецкие и японские станки покупаете дешевле российских. Я посыплю голову пеплом, если это будет так, потому что такого мы не знаем.

То, что станкостроение сегодня не в полном объеме отвечает тем требованиям, которые сегодня к нему предъявляются – это так. Но не нужно самих себя загонять в ситуацию, когда мы начинаем сами себя ставить в такие позиции и ситуации, а потом ищем с трудом выход из этих ситуаций.

Кратко о важнейших финансовых показателях отрасли.

Если взять их за последние шесть лет, казалось бы, картина, в общем-то, неплохая. На протяжении всех периодов есть динамика, есть определенный рост. Но главный вопрос: достаточно ли этих показателей для того, чтобы обеспечить технологическую безопасность и независимость страны? Достаточно ли этих показателей, чтобы удовлетворить первоочередные главные требования наших ключевых заказчиков, и особенно в тех условиях, в которых мы последние 2–3 года работаем – в условиях санкционных ограничений? Конечно, недостаточно, и над этим нужно серьезно работать.

Хотел бы обратить внимание на два-три момента из представленной таблицы.

Первое. Вы видите, что в прошлом году прошло снижение внутреннего рынка потребления металлообрабатывающего оборудования. Произошло оно в первую очередь за счет импорта, и далее я об этом скажу. Нас это в какой-то степени даже радует.

Вообще рынок металлообрабатывающего оборудования в целом в год где-то находится от уровня 90–95, до 100 млрд руб. (где-то в пределах 1,5 млрд долл.). Для сравнения, всё мировое производство металлообрабатывающего оборудования – это 88 млрд долл. Поэтому

потребление российского сектора достаточно солидно. Мы его сегодня практически на 30–35% закрываем уже отечественным производством. И еще буквально 7–10 лет назад этот показатель был на уровне 4–5%.

Что радует в этом плане? Увеличивается ежегодно на протяжении последних 5–7 лет производство станков с числовым программным управлением и обрабатывающих центров, то есть высокотехнологичного, наукоемкого прогрессивного оборудования. Это хорошо.

Конечно, есть у нас и определенные перспективы в вопросах экспортных поставок. В прошлом году поставлено на экспорт 712 станков в 46 стран мира.

Хотел бы на этой диаграммке представить кратко характеристику предприятий по основным технологическим направлениям. Еще 7–10 лет назад эта диаграмма выглядела в основном из трех секторов: станки, измерительно инструментальная техника и кузнечно-прессовое оборудование, литейная машина. Сегодня, видите, динамика меняется. Появляются предприятия, занимающиеся производством комплектующих изделий, исповедующие другую современную концепцию выпуска станков за счет сборочных предприятий, и целый ряд других моментов.

Основные постановления (01:37:27), которые действуют сегодня в области металлообрабатывающего оборудования.

Первое – 616-е постановление, в принципе, оно вносит определенный порядок и методику при поставке металлообрабатывающего оборудования для предприятий, работающих на нужды обороны страны и безопасности государства. Очень важное постановление, потому что оно ключевым образом способствует расширению внутреннего рынка потребления. К сожалению, в прошлом году, должен сказать это с абсолютной объективностью, Минпромторг это постановление в какой-то степени зарегулировал, и сегодня ту ключевую задачу, которую мы получали от взаимодействия между предприятиями ОПК и станкостроительными, она практически сведена «на нет».

Вопрос 12.06 постановления – это то, о чем говорил Константин Анатольевич, Постановление № 1432 – это субсидирование при закупке отечественного оборудования. Тоже хорошее постановление. Мы в прошлом году в сентябре начали с ним работать. До конца года провели 10 предприятий, которые показали как пилотный проект первый результат. В первом приближении... В прошлом году провели 10 предприятий и получили хороший эффект, подали все заявки, расчеты, обоснования на 2021 год в пределах 3 млрд. К сожалению, выделено 300 млн. Поэтому, когда говорят о том, что у нас нет в стране финансовых ресурсов, и главный отказ со стороны Минфина, и когда мы слушаем Владимира Андреевича и других выступающих – ну, это чудовищно. Мы говорим о развитии технологической отрасли, и вместо того, чтобы комплекс мер наработанных, их дальше продвигать и поддерживать, они оказываются за бортом.

Постановление № 1289, оно предусматривает сейчас именно только по станкостроению, предприятия, которые работают за счет бюджетов всех уровней, при заключении контрактов на закупку отечественного – подчеркиваю – оборудования, должны авансировать закупки на уровне 80%, чтобы пополнить оборотные средства предприятия.

Прошло практически 4 месяца. Сколько мы ни пытались с Минпромторгом в какой-то степени решить эту проблему, ни одного пока контракта за четыре месяца года нет.

Минпром на себя в последние год-полтора берет много обязательств, но, к сожалению, механизмов и возможности, специалистов нет. Поэтому я считаю, что буду предлагать, и одно из предложений – все-таки повысить роль и статус отраслевых ассоциаций и союзов. Именно они могут в какой-то степени активно работать над реализацией принятых государственных мер. И то, что Константин Анатольевич проводил уже совещание здесь по внесению поправок в 488-ФЗ «О промышленной политике» – это очень важный момент.

Следующее. Утверждена в прошлом году стратегия развития станкоинструментальной отрасли до 2031 года.

Действует Постановление № 2013 – тоже хочу к нему возвратиться – о минимальной доле закупок. По станкоинструментальной отрасли с 2021 года минимальная доля закупок при госконтрактах должна составлять 60%. К сожалению, опять Минпромторг. Я буду повторять это сегодня не один раз, потому что это так.

Откровенно скажу, мы две ассоциации. С Константином Анатольевичем мы подписали письма на завод «Ростсельмаш», и начали тесно взаимодействовать с точки зрения продвижения отечественного продукта.

Мы сегодня вышли практически на финиш, когда ключевые потребители «Ростсельмаша» сегодня решили проблему закупки отечественного инструмента. За счет этого мы можем серьезно увеличивать... 350–400 млн заказ только по одному заводу. И если бы такие механизмы работали, и если бы в этом плане помогали нам федеральные органы исполнительной власти, то было бы совсем всё по-другому.

По введению таможенных пошлин, Постановление № 2361, оно касается в том числе и нас. Уже здесь говорили, что пошлины... По металлопрокату мы в прошлом году на Мишустина подписали шесть ассоциаций, в том числе Константин Анатольевич, станкостроители, подшипники, машиностроители, автомобилестроители, и предлагали, говорили, что пошлина не решает проблему, пошлина не способствует насыщению внутреннего рынка металлопродукцией. Нужно вводить квоты как эффективный механизм, который создает именно механизм насыщения продукцией на отечественном рынке. К сожалению, пока мы не услышаны.

Или следующий пример – вольфрамовый концентрат. Чудовищная ситуация. Сегодня вольфрамового концентрата для производства твердосплавного инструмента не хватает в

стране. Все страны мира его не продают. 30–40–50%. Мы бьемся четыре года за то, чтобы установить вывозные пошлины на лом твердосплавной продукции, из которой делается твердый инструмент, и нам не удастся этот вопрос пробить. Не удастся, потому что лоббирование тех людей, которые заинтересованы в этом, гораздо больше наших возможностей. А сегодня закупается 15 млрд твердосплавного инструмента. Из них российские производители обеспечивают 2,5–3 млрд, а всё остальное по импорту.

Заводы, перевооружение с помощью механизмов ФРП серьезно сделали. Они готовы сегодня минимум 50% обеспечить без каких-то дополнительных затрат этой продукции. Но, к сожалению, по факту мы этого сделать не можем. Мы ищем разные варианты.

Следующий здесь вопрос хотел бы поднять о 719-м Постановлении – получение статуса отечественного производителя. Это притча во языцах. Не знаю, как по другим отраслям, а по станкостроению у нас просто идут такие дебаты, такие дискуссии.

Я вчера получил одно из писем, здесь взял – Алтайский завод геофизической аппаратуры, это бывшее оборонное предприятие, оно пришло к нам, мы его пять лет окучивали, и сейчас выпускает прецизионные станки.

Написал мне директор, он с 22 октября 2020 года по состоянию на 22.04.2021 не может получить статус отечественного производителя. У меня таких писем горы. Поэтому то, что я предлагаю – здесь нужно нам в решение все-таки записать: обратиться и к руководству Минпромторга, и к руководству ТПП эти вопросы взять под особый контроль. Давайте создадим рабочую группу, давайте проанализируем подробно все вопросы, как формируется это всё, чтобы исключить эти негативные вещи.

Рынок и потребление по всем ведущим мировым производителям. Видно, что в прошлом году только Китай, Россия и Тайвань где-то остались на определенном уровне. Все имели падение станкостроения от 20% до 40%.

Здесь видим, что за последние 7–10 лет формируется структура организации производства Metalлообработывающего оборудования, в принципе, европейского уровня.

И хотел бы показать на слайде, как сократилось потребление металлообработывающего оборудования за прошлый год, причем при одновременном росте производства отечественной продукции.

Правильно выстроенные механизмы, причем даже не финансового характера, они дают развитие внутреннего рынка потребления. Это очень важно. Поэтому предлагаю взять... И программу комплектующих изделий у нас есть, разработана, ее нужно поддержать, и программа НИОКР. И мы вышли на то, чтобы все-таки с оборотными средствами, с заводом тяжело работать, и я скажу так, что мы 9 месяцев работаем над тем, чтобы создать свой собственный отраслевой банк. И мы подписали соглашение три месяца назад. Сегодня очень активно работаем с банком «Столичный кредит», вышли на понимание приобретения с

помощью инвестиционной заводов контрольного пакета, и вместе с «Совкомбанком» работаем над этим. Мы уже сегодня говорим о том, что целый ряд департаментов, которые сформированы в составе ассоциации, которые призваны обеспечивать финансовое сопровождение, и пополнение оборотных средств, и получение гарантий, уже активно работают.

Я извиняюсь за то, что задержал свое выступление, но тема большая. Поэтому спасибо за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо, Георгий Васильевич. Я считаю, что станкостроители – это герои вообще. Когда машиностроение у нас пребывает в кризисе и происходит падение рынка, то первое, на чем начинается экономия – это инвестиции: закупка станков и так далее. То есть у кого падение, у станкостроителей вообще остановка полная. И это продолжалось десятилетия. И сейчас в период кризиса... То есть в машиностроении кризис, в станкостроении полная остановка. При этом еще много предприятий живы, развиваются. И то, что вы предложили, озвучили проблемы, я считаю, что все они решаемые. Всё это можно решить и создать условия, чтобы и эта отрасль начала бурно развиваться и вернула себе важное место в мировом разделении труда.

Ершов Михаил Владимирович, директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов.

Михаил Ершов: Спасибо. Добрый день, уважаемые участники. Спасибо ТПП за столь актуальный и интересный круглый стол.

Уважаемые коллеги, как ни странно, потенциал нынешней ситуации мне лично внушает оптимизм, потому что, если худо-бедно как-то проблем у нас много, мы с трудом справляемся притом, что мы не используем многих важнейших механизмов, которые могли бы использовать... И, тем не менее, функционируем, как-никак. То задаюсь вопросом: а что же было бы тогда, если бы мы вдруг все эти механизмы начали по полной использовать так, как это делают наши конкуренты? Мы бы улетели бы вперед, обогнав всех или почти всех? Риторический вопрос, но требующий того, чтобы мы его обдумали.

Вот смотрите, недавняя пандемия, из которой все мы, как-никак, вышли. Меры поддержки, которые мы все знаем – до 60% ВВП во многих странах (40–50–60% ВВП). У нас меньше 4%. Почувствуйте разницу. Я задаюсь вопросом: как это так? Как они такие огромные ресурсы финансирования себе обеспечивают? Многие страны: и развивающиеся, и развитые. Вот принципиальный момент, который имеет не статистический и не информационный характер, а концептуальный. Вот посмотрите, 50% всего госдолга Японии – это огромный бюджет, триллионы триллионов йен – находится на балансе Банка Японии. Банк Японии выкупил половину всего своего госдолга, всех своих госбумаг своего Минфина, сделав целевое финансирование своей экономики, длинные до 40 лет ресурсы, и держит эти бумаги, госдолг у себя.

30% ФРС всего американского госдолга, у которого огромная величина, 30% всех казначейских облигаций США находятся на балансе ФРС. Опять, купил, не продал, а держит у себя весь срок этих бумаг, а там до 30 лет бумаги. То есть длинный ресурс поступил в экономику Соединенных Штатов, в Минфин и дальше по цепочке, и держат эти деньги у себя. 20–25% Банк Англии, и так далее почти все. У нас цифра ноль или почти ноль. И наш уважаемый, так сказать, Центральный банк говорит, что «Мы ОФЗ покупать не планируем». Ну, хорошо. Не планируете – ладно. Тогда как все эти вещи?

Что в результате их подходов осуществляется? Не только целевая эмиссия. Я в ФРС, к примеру, купил длинную какую-то экологическую бумагу, соответствующая сфера получила ресурс от меня как эмиссионного центра, и эта сфера начала расти.

Дальше рынок стал более глубоким, инструментов стало больше. Как ни странно, процентные ставки стали снижаться. Не силовым решением снижение они тоже делают. Было 4, стало 3, и так далее.

(01:50:27)

Но смотрите, недавно, когда они выходили из своего ипотечного кризиса – мы все выходили несколько лет назад, – им в США нужно было очень сильно простимулировать ипотеку. Ипотека играет важную роль в их экономике. А тогда она лежала. Что они стали делать? ФРС стал активно покупать длинные бумаги до 30%, чтобы насытить свой ипотечный рынок длинным ресурсом. И длинные ресурсы притекли в ипотечный сегмент рынка, денег стало много, цена стала снижаться, и ипотека стала шевелиться и дышать. И они сами потом сказали, что «Мы смогли той цели, которую хотели – мы смогли оживить ипотеку путем целевого внедрения, вливания длинных денег на конкретный сегмент конкретного рынка». Вот опять есть над чем подумать.

Теперь дальше. Мы говорим про санкции. Недавно меня спрашивали на одном телеэфире: «А что, если западные инвесторы, – как американцы говорят, – не разрешат им покупать, – как они и стали делать, анонсировав нам с весны-лета, – покупку наших ОФЗ?». Я говорю: «Никаких проблем не вижу вообще, если мы будем делать то, что делают во всем мире в таких случаях. Покупаются эти же самые ОФЗ либо нашими госбанками, либо нашим Центральным банком, как это делают они». Те цифры, которые только что привел. 50% всего японского госдолга находятся на балансе японского центрального банка, и находятся там весь срок действия этого долга. Какие проблемы? А это важнейший...

Коллеги, специально обращаю ваше внимание, что это не просто статистика, что у этих 30%, у этих 20%, а у нас 0%. Это системно концептуальная вещь. Это, что называется, разные правила игры. Это как один плывет на лодке с веслами, а другой на моторе. Как добиться равной конкуренции, когда у тебя весла или паруса, а у этого глиссер какой-нибудь, катер быстроходный.

Следующее. Уже тема немножечко другая, о наших потенциальных возможностях. ЗВР – наши золотовалютные резервы, о чем неоднократно и здесь, и в других аудиториях говорилось.

Международный стандарт. Достаточность ЗВР – примерно 3 месяца импорта, чтобы было всё стабильно, и устойчиво, и так далее. У нас в России 20 месяцев – в 7 раз больше, чем международный норматив. А нельзя были ли подумать, каким образом какую-то часть превышения этого надстандарта, над этими 3 месяцами, направить на те ключевые задачи, которые перед нами всеми стоят, которые многократно мы обозначали?

Дальше. В Послании Президента говорилось о необходимости поддержки и регионов, и частных инвестиций. Такой интересный момент на тему роли центральных банков.

ЕЦБ (Европейский центральный банк) недавно анонсировал программу покупки частных облигаций, то есть частного сектора, на сумму 2 трлн евро. То есть Европейский центральный банк покупает у своего европейского бизнеса их долговые инструменты на величину в 2 трлн. При этом часто даже инструменты плохого качества. Он одновременно ухудшая свой баланс и расчищая их баланс, потому что для ЕЦБ самочувствие бизнеса крайне важно. Опять, мы в такие вроде как механизмы не вовлекаемся. А подумать можно было, в какой мере и как можно было их использовать тоже.

Поэтому в завершение совсем говорю: если бы мы хотя бы отчасти использовали те ресурсы, которые активно и успешно применяются во всем мире, а мы не применяем вообще, то потенциал, мне кажется, у нашего стремительного развития был бы гораздо-гораздо более высоким.

Спасибо за ваше внимание.

Константин Бабкин: Спасибо, Михаил Владимирович.

Андреанов Константин Николаевич, ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Константин Андрианов: Спасибо, Константин Анатольевич, за приглашение, за предоставленное слово. Добрый день, уважаемые коллеги, дорогие друзья. Как и всегда, я вновь об одном из самых наболевших – о денежно-кредитной политике Банка России, о политике ключевой ставки, о ее влиянии на развитие промышленности, в целом российской экономики.

Сегодня буквально в это время, вероятно, проходит очередное заседание совета директоров Банка России. Причем, по доведшей до нас информации, на этом заседании планируется значительное повышение ключевой ставки. Естественно, это вызывает у нас обеспокоенность, так как данное решение фактически может привести к экономическому коллапсу.

Немного статистики. В январе текущего года в российской промышленности возобновилась отрицательная динамика развития. Произошло падение до 2,5% год к году, и до 3,8%, если

сравнивать декабрь прошлого с январем в текущего года, причем особенно просела именно обрабатывающая промышленность.

В феврале падение российской промышленности в целом продолжилось. И, несмотря на возобновившийся спад и все прочие указанные выше негативные тенденции, на предыдущем заседании совета директоров 19 марта, напомним, Банка России, было принято решение о повышении ключевой ставки, что сразу вызвало повышение кредитных ставок в том числе для промышленников. В марте 2021 года средняя минимальная ставка по кредитам уже выросла почти до 9% годовых в рублях. Естественно, это вызвало дополнительные риски, угрозы дальнейшего ухудшения положения субъектов отечественной промышленности.

И вот опять, как мы слышим, есть планы дополнительного повышения ключевой ставки. В этих условиях дальнейшее ее повышение окажет просто губительное влияние на состояние российской экономики, приведет, естественно, к дальнейшему повышению роста кредитных ставок, и, как следствие, сокращению кредитной активности как населения, так и предприятий. Рост цен и кредитных ресурсов, и сжатие кредита, естественно, приведут к резкому сокращению инвестиций, как следствие, и дальнейшему падению производства, росту производственных издержек, что, подчеркиваю, только создаст дополнительную инфляционную угрозу и повысит инфляционные риски. Естественно, всё это как следствие приведет к дальнейшему замедлению темпов развития экономики, и возможному достижению ее точки невозврата с непреодолимым ее отставанием от мировой экономики.

Вместе с тем, как показала недавняя практика, повышение ключевой ставки ЦБ совсем не является 100% гарантией замедления темпов инфляции, даже, напротив, приводит к ее повышению. Так несмотря на то, что в сентябре и в декабре 2018 года ЦБ увеличивал ключевую ставку, по итогам 2018-го, мы с вами помним, инфляция в России вышла из-под контроля, произошел фактически двукратный ее разгон с 2,3% до 4,3%. В январе-феврале 2019-го увеличилась до 5,2%, что в 3,5 раза превысило значение аналогичного показателя годом ранее. Поэтому таргетировать нужно не инфляцию, хочется сказать Центральному банку в очередной раз, а экономический рост, набором монетарных инструментов в том числе.

Убежден, что Банку России необходимо отказаться от ужесточения денежно-кредитной политики, осуществить возврат к ее смягчению и возобновить снижение ключевой ставки с целью снижения конечных ставок по кредитным ресурсам до уровня не более 4%, то есть в пределах рентабельности большинства отраслей реального сектора.

Причем хочу подчеркнуть: снижение ключевой ставки в России в нынешних условиях абсолютно не несет в себе никаких инфляционных угроз.

Согласно приведенным исследованиям, динамике основных показателей, в частности за 2014–2018 годы, снижение ключевой ставки не вызвало роста цен, а наоборот, сопровождалось снижением ИПЦ до минимального уровня, а также сопровождалось увеличением темпов роста ВВП.

И не могу не сказать, и, прежде всего, адресую эти слова представителям ЦБ, что снижение ключевой ставки Банка России является неотъемлемым условием достижения национальных целей в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 204 от 2018 года, и новым 474-м от 2020 года «О национальных целях развития».

Накануне в Государственной Думе, буквально наперед 19 апреля, мы провели круглый стол по ключевой ставке ЦБ в преддверии очередного заседания. И, что хочу сказать, все участники круглого стола, естественно, за исключением представителей Банка России, которые как всегда у нас в режиме недели тишины, выразили солидарную позицию о недопустимости повышения ключевой ставки и необходимости возврата к ее снижению. Нами были подготовлены совместные обращения депутатского корпуса, причем различных фракций, обращения о недопустимости дальнейшего повышения ключевой ставки, и необходимости возврата к ее снижению. Данные обращения были поддержаны целым рядом отраслевых ассоциаций и крупных промышленных предприятий. Не буду сейчас отнимать время у коллег, перечислять. Их порядка двух десятков писем поддержки пришло. И данное обращение вместе с письмами поддержки нами было уже направлено всем представителям руководства совета директоров ЦБ, представителям руководства администрации президента, представителям руководства Правительства РФ, и в Совет Безопасности Российской Федерации. Будем надеяться, что это поможет в нашем общем деле и нас услышат. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. Да, обязательно в решение запишем тезис о необходимости снижения ключевой ставки. Действительно, ключевая тема. Денежно-кредитная политика, без ее нормализации невозможно ни повысить государственные доходы, ни обеспечить инвестиции, ни добиться экономического роста.

Все записавшиеся выступающие выступили. Можно еще несколько реплик послушать.

Андрей Александрович Фефелов, председатель профсоюза автомобильного, сельскохозяйственного, тракторного машиностроения.

Андрей Фефелов: Добрый день, уважаемые коллеги! Не планировал выступать. Сразу скажу, что не пытаюсь никого сменить, никого кусать. Хочу сказать, что тема, которую мы сегодня затронули, очень важна, тем более что можно под ней подписаться на 100% по ряду позиций, в том числе по роли государственной исполнительной власти в части развития промышленности, конечно же, социального блока. Очень важно было здесь, сегодня я услышал, и для профсоюза – это развитие кадрового потенциала, потому что это действительно серьезная тема. И я очень благодарен, Константин Анатольевич, что на следующем заседании мы послушаем и поговорим о ней более серьезно и более конструктивно.

Конечно же, не могу не коснуться такой тематики как вопросы благосостояния наших граждан, в первую очередь повышения реальной заработной платы, конечно же, ее покупательной

способности. Это очень важный вопрос, который сегодня стоит и волнует, наверное, всех наших граждан.

Но я вышел не с этой темой, а хотел бы выполнить небольшую миссию.

2020 год был юбилейным годом для Федерации независимых профсоюзов России, праздновали 30-летие организации. Этот год тоже для нашего профсоюза юбилейный, мы 30 лет отмечаем российскому профсоюзу. Поэтому разрешите мне от имени Федерации независимых профсоюзов России за большой личный вклад в развитие промышленности и развитие социального партнерства на отраслевом уровне наградить юбилейной медалью Бабкина Константина Анатольевича.

(Аплодисменты.)

Константин Бабкин: Неожиданно, но приятно. Спасибо большое!

Владимир Юртеев: Коллеги, добрый день. Юртеев Владимир, я первый вице-президент Национальной технологической палаты Российской академии наук и член Совета по финансово-промышленной политике ТПП РФ. Спасибо огромное за очень интересные содержательные доклады. Я буквально три предложения с точки зрения... Помните, у нас басня замечательная «Лебедь, Рук и Щука»? Если под Лебедем понимать государство, органы власти, Послание Президента, который всех нас зовет вверх взлететь, жить хорошо и счастливо, то тогда возникает вопрос. Кто Лебедь – понятно. А кто Рак, который пятится назад, и Щука, которая тянет в воду? Я предлагаю подумать в такой парадигме, что кто-то из них является бизнесом, а кто-то является финансовыми инструментами, которые абсолютно в разные стороны и вектора разносятся. Это первое, это констатация.

Второе. Что же делать? Уже было 10 раз сказано, что кадры решают всё. И 10 раз было в этом зале сказано, что кадры государственного управления в министерствах и ведомствах сегодня не отвечают ни вызовам времени, ни тем задачам, которые стоят. Война на пороге, ну, в прямом и переносном смысле, а у нас проходят форум за форумом в Экспоцентре, на ВДНХ, в других, в «Крокусе». Я побывал за последнее время, как только открылось – нет, туда не ходят ни директора департаментов, ни сотрудники департаментов Минпромторга. Только что закончилась выставка «Фотоника». Ну, фотоника, все понимают, это 300 тыс. км/ч, всё такое.

Простое предложение: давайте мы инициативно в ТПП напишем проект Постановления Правительства Российской Федерации, в котором обяжем тех, кто хочет проводить международные и общероссийские форумы, и где эти приветствия от министров... «Ну, хорошо, приветствую, приветствую». Раз ты поприветствовал нас, то тогда, будь любезен, выполняй Постановление Правительства, которое, думаю, поддержит и президент, и все, кому надо – ты обязан доложить докладом в Правительство Российской Федерации итоги этого форума, согласованные с деловым, профессиональным сообществом. И если Самодуров не

подпишет тебе отчет, то тогда тебе поставят неуд, ну, по крайней мере тройку. Вот тогда, Георгий Васильевич, он сам вас будет искать.

И еще одно предложение, которое касается денег. У нас их, прошу прощения, за мой французский, как у дурака махорки. Только это не наши с вами деньги. Это деньги, которые... давным-давно сказано, что надо двухконтурную систему. Всё давно понятно. Я надеюсь, что наконец-то мы начнем и в этом нашем форуме, который мне очень нравится, то, что уже становится традицией, Константин Анатольевич, спасибо огромное, Владимир Андреевич, спасибо, что вы совместно проводите это. Как-то приглашать сюда банкиров и говорить: «Слушай, хочешь хорошо жить? Давай мы напишем постановление правительства. Опять же, если четыре больших деловых сообщества подпишут, то, думаю, и Мишустин подпишет. Где распределим вас всех. Сколько вас осталось банков? 400? 500? Мы вас всех распределим и закрепим за отраслями. И вы будете отвечать своим KPI, так же, как и Центральный банк, за конкретное развитие отраслей, и в целом ЦБ будет отвечать за показатели народного хозяйства».

Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. Коллеги, по одной минуте.

Владимир Садков: Владимир Садков, Союз офицеров «Всеславянский союз». Я предлагаю внести от профессора Чабанова и Союза офицеров в проект решения пункт 1.2 «Обеспечить ежегодный реальный рост денежной массы и инвестиций в основной капитал не ниже 15–20%». В этом пункте мы предлагаем убрать слово денежная масса, потому что это приведет к инфляции, а есть другие механизмы.

Пункт 2.2. Связан с кредитами. Добавить: «С тем, чтобы ежегодные кредитные ставки не превышали 2%».

Следующее, раздел 3-й, преамбула. Там есть в преамбуле слова «В целях повышения статуса для предприятий к инвестициям средств в основные фонды», добавить «И оборотные фонды». А также добавить дополнительно в раздел 3 пункт 3.9 (он большой немножко, не буду зачитывать), и в пункт 5.1 тоже добавить пункт 2. Наше предложение мы передаем редакционной комиссии.

И в заключение. Целый ряд общественных объединений, групп ученых, инициировали проведение в стране конкурса «Стратегическая программа Народная инициатива 2025». Это всенародный конкурс авторских проектов обустройства будущего России. Непарламентские партии и общественные организации имеют великолепные программы, про которые никто не знает. Наши экспертные группы и наш комитет готов эти программы рассмотреть.

Приглашаем к этому конкурсу. Материалы я предоставлю. Они у меня. Раздам каждому. Подходите. Честь имею!

Константин Бабкин: Хорошо. Давайте, еще два раза по минуте, и будем завершать.

Рустам Магдеев: Добрый день. Я представляю компанию «КамАЗ». Хотел бы поддержать слова Анатолия Ивановича по поводу нашей проблемы в отрасли. В первую очередь это проблема кадров, которая стоит перед нами на сегодняшний день. Все вы видели, наверное, на улицах Москвы наш прекрасный электробус, который проехал уже миллионы километров. Это наша инновационная разработка. Я в целом немного расскажу об инвестициях «КамАЗ», которые мы сейчас осуществляем. Это в первую очередь наш...

Константин Бабкин: У нас другая тема.

Рустам Магдеев: Я про инвестиции немного скажу, а потом про проблемы.

Константин Бабкин: 40 секунд вам осталось.

Рустам Магдеев: Мы не хотим терять отечественный автопром, и дело даже не в размере господдержки или по каким направлениям она пойдет, а дело всё в том, что оставить всё как есть и потерять отечественный автопром, либо решить глобальные серьезные проблемы и вывести в лидеры рынка отечественный автопром.

У нас был прекрасный режим промышленной сборки, который мировые производители привели на отечественный рынок – «Киа», «Фольксваген» и другие производители, – тем самым повысив инвестиционную привлекательность России.

Константин Бабкин: Ладно, понятно. Это у вас отдельное выступление. Потом запишетесь и послушаем.

Рустам Магдеев: Хорошо. Протоколно прошу записать одну мысль. У нас проблема по 719-му постановлению и 616-му. Мы получаем акт ТПП только на один год. Я прошу рассмотреть возможность продления получения акта на два года, поскольку технологическая цепочка не меняется, а это достаточно трудоемкая работа, и от качества эффективного администрирования зависит многое. Спасибо.

Константин Бабкин: Хорошо. Проработаем.

И крайнее выступление.

Владимир Пименов: Здравствуйте. Пименов Владимир Игоревич. У меня вопрос скорее к Георгию Васильевичу Самодурову. Интересные предложения прозвучали. Но учитывая, что у нас машиностроение, станкостроение фактически отрезано от длинных инвестиционных денег, а эти отрасли обладают самым большим мультипликативным эффектом, нельзя ли несколько развить вашу мысль и создавать не отдельный банк, например, для станкостроения, а выйти с предложением создания, например, инвестиционного банка для машиностроения, в котором бы участвовали все крупнейшие машиностроительные предприятия России? И так же, как на Западе существует Банк поддержки экспорта машиностроительной продукции. По-

моему, это было бы вполне логично. Или фонд, или банк, или хотя бы   (02:12:30) центр создать, но в масштабе России. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо за предложение

Спасибо, коллеги. Мне кажется, очень плодотворно поработали. Все мы видим огромные перспективы. Все мы видим, что есть возможности эти перспективы достичь, реализовать наш потенциал. Есть рецепты, конкретные предложения мы озвучили, записали. Все их обобщим и направим в Правительство. Я уверен, что мы сегодня с пользой поработали и приблизили светлый момент начала бурного экономического роста нашей страны. Спасибо.

(Аплодисменты.)

(02:13:15) (Конец записи.)